

УДК 811.161.1'42:070(091). DOI 10.26170/FK20-03-16. ББК Ш141.12-51.
ГРНТИ 17.07.25. Код ВАК 10.01.08

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА»

Сложеникина Ю. В.

Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Растягаев А. В.

Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

А н н о т а ц и я. Исследователи журнала Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» чаще всего выделяют его сатирическую направленность. Статья предлагает новый взгляд на журнальный метатекст, в котором выделен философско-педагогический дискурс. Цель статьи - показать смену читательской парадигмы в середине XVIII в. от чтения-почитания к чтению-размышлению. В основу исследования положен комплексный подход. Используются методы литературоведения: историко-типологический, культурно-исторический, биографический, сравнительно-исторический. Исследование показало, что модель поведенческой культуры дворянского общества первой половины XVIII в. включала в себя чтение как обязательный элемент. Неслучайно философско-педагогический дискурс первого российского частного ежемесячного журнала стал одним из доминирующих направлений. Утверждая в публичном пространстве читателей и подписчиков авторитет книги и чтения, Сумароков пытался доказать, что добродетелью светского дворянского общества к середине XVIII в. становится систематическое учение. Отсюда скептическое отношение издателя журнала к лжеученым, пишущим много, но без чувства и разума. Также Сумароков обращает внимание на печальное положение ученого в сословном государстве, когда право на мудрость зависит от чина. Проблематика философско-педагогического дискурса журнала обширна: от собственной просветительской программы до вопросов войны и мира.

Философско-педагогический дискурс, включающий проблематику чтения, учения и науки, задан всем метатекстом 12 помесечных книжек «Трудолюбивой Пчелы» (кроме ноябрьской). Это оригинальные или переводные произведения: январский номер – статья Г. Козицкого; февральский – Павлина А Санкто Иозефо; мартовский – Эразма Роттердамского; апрельский – Готлиба Вильгельма Рабенера; майский – Локка и Сумарокова; июньский – Сумарокова; июльский – Димофила; августовский – Вольтера; сентябрьский и октябрьский – Сумарокова; декабрьский – Муре, Эсхина.

Первым известным словоупотреблением термина «педагогика» в русском литературном языке считается 1783 год. С него и ведется официальная хронология педагогического дискурса. Однако в имплицитном виде философско-педагогический дискурс сложился к середине XVIII столетия и был артикулирован на страницах «Трудолюбивой Пчелы» благодаря усилиям издателя Сумарокова и его сотрудников.

Ключевые слова: Сумароков; «Трудолюбивая Пчела»; чтение; учение; наука; педагогика; просвещение.

PHILOSOPHIC-PEDAGOGICAL DISCOURSE ON THE PAGES OF “THE INDUSTRIOUS BEE”

Yulia V. Slozhenikina

Samara State Institute of Culture (Samara, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4982-7802>

Andrey V. Rastyagaev

Samara State Institute of Culture (Samara, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4658-1130>

Abstract. Much of the literature concerning Sumarokov’s magazine “The Industrious Bee” often emphasizes its satirical orientation. In contrast, the article suggests a new view of the journal metatext which highlights the philosophic-pedagogical discourse. The aim of the article is to show the change of the reading paradigm in the middle of the 18th century from reading for the sake of reading to reading for reflection. The study is based on a comprehensive approach. The methods of literary studies used include: historical-typological, cultural-historical, biographical, and comparative-historical methods. The study showed that the model of behavioral culture of the noble society of the first half of the 18th century included reading as an obligatory element. It is no coincidence that the philosophic-pedagogical discourse of the first Russian private monthly magazine became the dominant trend in the first half of 1759. Proclaiming the authority of books and reading in the public space of readers and subscribers, Sumarokov tried to prove that systematic learning becomes the virtue of the secular noble society by the middle of the 18th century. Hence, the publisher’s skeptical attitude towards the false scientists who wrote much without feeling and knowledge. Sumarokov also draws attention to the poor position of the scientist in the class-divided state when the right to wisdom depends on the rank. The problem field of the journal’s philosophic-pedagogical discourse is vast: from its own educational program to questions of war and peace.

Philosophic-pedagogical discourse which includes the problems of reading, teaching and science, is formed by all metatexts of 12 monthly books of “The Industrious Bee” (except November issue). These are original or translated texts: January issue – article by G. Kozitsky; February – P. A. Sancto Josefo; March – Erasmus of Rotterdam; April – Gottlieb Wilhelm Rabener; May – Locke and Sumarokov; June – Sumarokov; July – Dimophila; August – Voltaire; September and October – Sumarokov; December – Moore and Eskhin.

The first known word usage of the term ‘pedagogy’ in Russian literary language goes back to 1783. This is the start of the official chronology of pedagogical discourse. The findings allow the authors to conclude that in its implicit form, the philosophic-pedagogical discourse was formed by the middle of the 18th century and was articulated on the pages of the “The Industrious Bee” thanks to the efforts of the publisher Sumarokov and his staff.

Key words: Sumarokov; “the Industrious Bee”; reading; learning; science; pedagogy; education.

Для цитирования: Сложеникина, Ю. В. Философско-педагогический дискурс на страницах журнала «Трудолюбивая пчела» / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 182–194. – DOI: 10.26170/FK20-03-16.

For citation: Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V. (2020). Philosophic-Pedagogical Discourse on the Pages of “The Industrious Bee”. In *Philological Class*. Vol. 25. No. 3, pp. 182–194. DOI: 10.26170/FK20-03-16.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00356 А.

Acknowledgements: The reported study was funded by the RFBR, project number 18-012-00356 А.

Широко известны слова, долгое время приписываемые Н. И. Новикову¹: «...если потомки будут продолжать сию работу и пользоваться

познаниями своих предков, исправлять и дополнять оные, то свет приобретет науку, которая во всяком рассуждении будет заслуживать

¹ На самом деле это отрывок из анонимного русского перевода статьи М. Фридриха Рудольфа Вальтера «О сократическом способе учения», опубликованной в Прибавлении к «Московским ведомостям» за 1784 год (№ 56–59), а термин «педагогика» был употреблен анонимным автором журнала годом ранее [Симанков 2010: 76–77].

имя педагогики». Именно с них принято начинать отсчет отечественного педагогического дискурса. Однако проблема воспитания, обучения, образования стала актуальной уже в первой четверти XVIII в., а к середине столетия начал складываться и особый философско-педагогический дискурс. Специфической площадкой для полемики по данной проблематике стал журнал А. П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела».

Праиндоевропейский корень объединяет общностью происхождения слова *читать, читать, чту, честь, почитание, честный*. Исторически этот корень был связан с обозначением мышления, познания, понимания, думания [Фасмер 1996]. В Петровскую эпоху произошла смена вектора актуальной семантики – от почитания к чтению. Только в литературно-педагогическом памятнике начала XVIII в. «Юности честное зеркало» (1717) (в отличие от «Поучения Владимира Мономаха» или «Домостроя») появляется наставление к чтению. 18-е показание к житейскому обхождению для молодых людей-дворян призывает юношество быть совершенным в обучении конной езде, танцам, шпажной битве. Что же касается языковых навыков, молодой дворянин должен учить иностранные языки, быть готовым вести добрую беседу, быть красноречивым. 30-е показание обращено к молодым отрокам, вернувшимся из-за границы и научившимся иностранным языкам [Юности 1717: 22]. Необходимо продолжить их тщательное изучение «чтением полезных книг <...>, а иногда что-либо в них писать и компоновать, дабы не позабыть языков» [Там же: 13–14]. А первой девической честью и добродетелью называется желание ходить в церковь и в школу, учиться читать, писать и размышлять. Отроки должны беречь книги прилежно, не разбрасывать по углам [Там же: 31–32]. В «Нравоучениях от Священного Писания», прилагаемых к наставлениям, для вразумления сообщается, что урода не научат и все книги мудрых [Там же: 47–48].

В «Регламенте, или Уставе духовной коллегии» (1721) – совместном манифесте Петра I и Феофана Прокоповича – постулировалась необходимость создать краткие, вразумительные и ясные книжицы для простых людей, «в которых заключится все, что к народному

наставлению довольно есть». Авторы «Духовного регламента» ратовали за вседоступность душевспасительной литературы, а для этого должно ее писать «просторечно», ибо славянский язык стал темен даже для людей обученных, а простыми невеждами и вовсе непостижаем. Книги должны быть небольшого объема, т. к. немалые книги в память простых людей неудобовмещаемы. Простой народ должен знать, «что самое есть всем общее, и всякому собственно, по своему званию должное» [Прокопович 1861: 22–24]. Для этого нужно сочинить три небольшие книжицы: первая и третья будут содержать догматы веры, заповеди, проповеди, а вторая – обязанности каждого чина.

Духовный регламент предлагал алгоритм чтения: на утрени прочесть малую часть первой книжицы, в этот же день – часть от второй книжицы, и в тот же день по обедни прочесть немного «от третьей книжицы о том же самом, о чем чтение было и на утрени» [Прокопович 1861: 22–24]. И тогда услышанное утром подтвердится на обедни и «лучше в памяти слышащих затвердится» [Там же]. Такое медленное чтение следовало разделить на 4 периода, каждый в четверть года – тогда «услышит народ все нужные свои наставления четырежды в год» и сможет услышанное сохранить в доброй памяти [Там же]. Три книги могут быть собраны сразу под одну обложку, в таком случае они будут доступны каждой семье «и в домах всякого охотника без труда употребляемы», даже детьми [Там же].

Прилежное и частое чтение должно быть первым делом людей, претендующих на учительство. При духовных академиях должны быть обширные библиотеки, «ибо без библиотеки, как без души Академия». Библиотеку не возбраняется посещать в любые дни и часы. Велика и роль учителя: желательно, чтобы он вел беседы с учеником о прочитанных книгах, «а если чего не уразумел, то б ему объяснил учитель» [Прокопович 1861: 22–24]. Беседа учителя с учеником способна изменить отрока в лучшую сторону, даже если раньше он «грубых был обычаев» [Там же]. Регламент отмечал также важность самообразования: школа может дать только сокращенные знания из области разных наук, а «после сам долгим чтением

и практикою» должен завершить обучение [Там же: 53–54].

Ф. Прокопович в «Слове на похвалу памяти Петра Великого» (1725) заслугой и добродетелью императора называл страсть к приобретению пользы и учения в любых ситуациях, «где ни быть, с кем ни побеседовать случилось ему... Много же языков, в исторических и учительских книгах частым чтением упражнялся» [Прокопович 1725: 14].

В продолжение традиции и на страницах «Трудолюбивой Пчелы» в «Рассуждении» из третьей части «Смотрителя» в переводе Сумарокова жизнь Петра I называется чудом, а его заслуга перед Отечеством состоит в том, что, «увидев народа своего глубокое невежество <...> сам сошел с престола своего обрести истинный путь, препровождающий к славе, и уставить себя во всех знаниях, обществу полезных, чтобы поострить к оным почтенных своих подданных» [Трудолюбивая... 1759: 229–230].

В обществе постепенно утверждается авторитет учения и чтения. Так, например, в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» (1733) В. Н. Татищева, когда собеседники обсуждали пользу от чтения книг, разные наставления, примеры и советы благочестивых людей, из которых необходимо употреблять себе в научение и помощь, звучит пословица *век живи – век учись*. В целом приятели обращаются к обсуждению чтения более 20 раз с помощью форм слов: *читать, чтение, читаем, читая, читал, читали, читающие, читатель* [Татищев 1887: 1–159].

В 1737 г. В. К. Тредиаковский перевел труд не установленного до сих пор французского автора и издал поучительную книгу для молодого дворянства под названием «Истинная политика знатных и благородных особ». В качестве добродетельного поведения молодого дворянства ему предлагается, после исполнения обязанностей, проводить свободное время за чтением книг: «...буде у них еще несколько останется времени, то упражняются они в чтении книг, которые сколько им нравятся, сколько их и научают». Тредиаковский, апеллируя к авторскому я, утверждал, что чтение книг и полезно, и счастливо [Истинная... 1737: 105].

Таким образом, можно сказать, что духовно-просветительская деятельность Петра I,

Ф. Прокоповича, В. Н. Татищева, нек. др. по открытию школ и училищ, переводная литература, дававшая образец светского воспитания, сформировали в первой трети XVIII в. поведенческую культуру дворянского общества. Одним из ее важных элементов стало чтение. Ю. М. Лотман, оценивая размах и позитивную роль чтения, писал, что в доме каждого образованного человека XVIII в. хранились книги, которые формировали облик людей, растили «деятели русской культуры середины и второй половины XIX века» [Лотман 1994: 50].

Модель – нескольких книжиц под одной обложкой с небольшими произведениями для пользы и просвещения сограждан, – предложенная Ф. Прокоповичем и Петром I, в сочетании с опытом западноевропейских и российских (академических) журналов лежит в основе метатекста частного сумароковского журнала «Трудолюбивая Пчела» (1759). В последнем номере журнала издатель выстраивает структуру идеального общества, в котором приоритет отдается справедливой образовательной политике и «отроки по склонностям в обучение отдаются» [Трудолюбивая... 1759: 739].

Содержание номеров «Трудолюбивой Пчелы» представляет собой сочетание текстов различной жанровой природы, переводных и оригинальных произведений, прозаических и стихотворных, тексты древних и новых авторов, труды самого Сумарокова и его современников [Растягаев, Сложеникина 2018: 164]. Среди разных причин объяснения причудливого репертуара «Трудолюбивой Пчелы» можно предложить и стремление к максимально-мужскому охвату читательской аудитории.

Рассмотрим, как журнал реализовывал педагогическую функцию утверждения в дворянском обществе авторитета книги и чтения, учения и науки. Январский номер начинается программной статьей Г. Козицкого «О пользе Мифологии». Пафос статьи – необходимость изучения и усвоения античной культуры в России. Чтение древних преданий помогает найти истоки современных литератур, искусств, исторических и естественных наук. Античная литература может стать для новых писателей образцом «нежных речей, великолепных слов, остроумных замыслов»,

а тщательным и любопытным читателям поспособствует «не преткновенно» читать новых авторов [Трудолюбивая... 1759: 13, 14]. Козицкий уверен, что «весьма мало сыщется, я думаю таких, кои бы не употребляли времени на чтение полезных и увеселительных книг» [Там же: 11]. Но, «к сожалению нашему, в прах стерло едкое время скрежещущими своими зубами» многие книги, о которых остались только косвенные упоминания [Там же: 24]. Книги, содержащие древние мифы, суть «правила к исправлению человеческого жития» [Там же: 28].

Так же, как и январский, февральский номер «Трудолюбивой Пчелы» открывается объемной прозаической статьей. Это перевод «Речи Павлина А Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно», сказанной перед студентами юриспруденции Римской гимназии в 1756 г. Это самый объемный материал февральской книжки, занимающий более трети его площади. Важность темы имела для Сумарокова личное значение и объяснялась следующим пассажем, адресованным его оппоненту Ломоносову: «О вы глупые Демократы, Платоны, и Аристотели, столько лет с крайним прилежанием и неусыпным трудом в Философии упражнявшиеся! смотрите, мы имеем молодых людей, которые в немногие месяцы, и как будто играя, всему тому научаются, к чему вы целый, да еще и долгий век недовольным почитали. <...> они <...> говорят: <...> для нас как для поспешающих к высоким наукам <...>, довольно и того, чтобы знать некоторые оных начала» [Трудолюбивая... 1759: 74]. Сумароков гордился полученным домашним воспитанием и оконченным восьмилетним курсом Сухопутного шляхетного корпуса, воспитавшего молодых дворян в духе гуманистической европейской культуры. Систематическое обучение же Ломоносова словесным наукам в Славяно-греко-латинской академии было весьма быстрым и поверхностным: за два года класс пиитики (1731) и риторики (1732) и на третьем году – класс философии (1734). Последующее пребывание в Марбургском университете было связано с естественнонаучными дисциплинами. В литературной вой-

не Сумароков постоянно упрекал Ломоносова в отсутствии должных познаний в языке.

Как учитель, писатель и оратор, о. Паулин скорбит о том, что «...мы в такие времена родились, в которые имя просвещения подъяческим ушам противно» [Трудолюбивая... 1759: 80]. Современная молодежь считает многие словесные науки вымыслом, происходящим от праздности, и пренебрегает ими. Потомуки не находят в великих книгах Платона и Аристотеля ничего прекрасного и полезного [Там же: 75]. Как и оригинальная статья Козицкого, перевод, выполненный Григорием Полетикой, доказывал важность обращения к мудрости древних с той только разницей, что к неспешному изучению рекомендовались труды ученых от самого основания наук до современности. Но прежде всего для постижения античной мудрости необходимо преуспеть в греческом и латинском языках, истории прежних времен и состоянии всякого народа. А тех студентов, которые планировали ограничиться только знаниями судебного производства, Паулин предостерегал от превращения в простых подъячих и ябедников [Там же: 79]. Все, в том числе и наука, «требует чрезвычайного и бесконечного труда и при долговременной жизни непрерывного упражнения» [Там же: 81].

Перевод закрепил в русском языке слово *эрудиция*. Первым его употребил Г. Н. Теплов в «Ежемесячных сочинениях» за май 1755 года¹. Рассуждая о качествах стихотворца, автор отметил, что мысль поэта рождается «как от глубокой эрудиции, так и от присовокупленного к ней высокого духа и огня природного стихотворческого» [Теплов 1755: 398]. В «Трудолюбивой Пчеле» слово получило определение как «довольное о различных вещах понятие» [Трудолюбивая... 1759: 85].

Тему учения в третьем номере продолжил «Разговор. Искусство удобовразумляющее» Эразма Роттердамского в переводе с латинского Николая Мотониса. Сначала в школе при «общежительном братстве», а затем за пять лет самообразования в монастыре Эразм Роттердамский приобрел колоссальные познания в древних языках и науках, позволив-

¹ В течение длительного времени статья ошибочно приписывалась Ломоносову. Атрибутировал публикацию в «Ежемесячных сочинениях» Теплову Л. Б. Модзалевский [Модзалевский 1962: 133–162].

шие ему впоследствии, приобретя во всем мире славу «князя гуманистов», стать профессором Кембриджа. Переводчик текста Николай Мотонис в год издания журнала был избран адъюнктом Академии наук и стал преподавать древние языки в старших классах Академической гимназии.

Беседа Десидерия и Ерасмия имеет сатирический характер. Ерасмий где-то слышал, что существует искусство, овладев которым можно в скором времени и без особого труда научиться всем свободным наукам, конкретно – за две недели [Трудолюбивая... 1759: 156]. Написана эта книга, со слов Ерасмия, греческим, латинским, еврейским «и иными варварскими языками» [Там же: 156]. Десидерий отвечает: материальное богатство является временным и часто дается людям ленивым и недостойным, а истинное богатство приобретается только трудом. Учение приятно, избавляет человека от скуки. Для этого науку нужно искренне любить и почитать с удивлением, ведь многих людей именно обширные познания сделали богатыми и знаменитыми. Необходимо развивать память прилежанием; бесполезно зазубривать слова, которые Гомер называл крылатыми, без уразумения сущности вещей. Уразумение – первый этап познания, за ним следуют рассуждение и повторение. Дикий, необузданный, ветреный, непостоянный ум не способен к обучению, терпеливому рассуждению и запоминанию [Там же: 159]. Заканчивается разговор словами Десидерия: «Я другого удобовразумляющего искусства не знаю, кроме прилежания, любви и неусыпного упражнения» [Там же: 161].

В этом же номере в «Речи XVIII. Из второй части Смотрителя» однородными членами становятся слова *добродетель* и *познание* – «столь изобильные и неисчерпаемые источники совершенства» [Трудолюбивая... 1759: 186].

Четвертый, апрельский, номер открывает «Опытном Немецком Словаре», переведенным А. Нартовым из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера. На страницах «Трудолюбивой Пчелы» зарождается традиция сатирического словаря, в котором немецкий автор намерен «истинные знаменования слов твердо положить» [Трудолюбивая... 1759: 196]. Одним из объектов иронии Рабенера ста-

новятся «порочные методы воспитания молодых людей, оторванность немецкой школы с ее греко-латинскими премудростями от реальных запросов жизни» [Тураев 1988: 201]. В переводе Нартова писателя, образованные по такой методе, получили имя *рачительных тварей* [Трудолюбивая... 1759: 196]. В словарной статье «Вечно» сатирически объясняется идиома *сделаться вечным*. Пример для нее – ученые, которые без души и разума пишут нечто, водя рукой слева направо по белой бумаге. Ключи от вечности у наборщика – это свинцовые литеры, намазанные черной краской [Там же: 199].

Апофеозом философско-педагогического дискурса стала статья майского номера «О несправедливых основаниях», написанная Сумароковым. Писатель и издатель рассуждает об основаниях, по которым что- или кто-либо подвергается хулению или прославлению. Такими основаниями чаще всего становятся субъективные факторы («своемысленные, а не правомысленные»): испорченное естество, ненависть, самообман, бессовестность. Автор диагностирует печальное положение общества: только малая часть людей становится разумнее, а большая стремится в невежество и высокомерие, гонится за модой, а не истиной: «что на природе и истине основано, то никогда перемениться не может, а что другие основания имеет, то похваляется, похуляется, вводится и выводится по произволению каждого и без всякого рассудка» [Трудолюбивая... 1759: 277]. Такой константой Сумароков считает вечную мудрость древних, а многие современные знания то появляются, то исчезают.

Сумароков сетует, что ясные и неопровержимые доказательства невежды называют педантством. Обширные познания у невежд тоже педантство: «много знать слывет у невеж: знать по-педантски или по-школьному» [Трудолюбивая... 1759: 278]. Педанты для невежд – профессора и другие ученые люди, а с точки зрения Сумарокова, ученый по справедливости должен быть человеком первого класса в обществе. Среди дворян так утвердилось, что знать нужно мало и неосновательно: «Таковое в науках знание называется знание дворянское, знание благородных людей. Быть историком, математиком, физиком дворяни-

ну стыдно <...> Похвально ничего не знать» [Там же: 279]. С точки зрения Сумарокова, современное общество недалеко ушло от дремучести предков, когда не было надобности уметь читать и писать. Писатель восхваляет людей, поставивших Россию на путь учения и рассыпавших мрак невежества: Петра Могила, царя Федора Алексеевича, Петра I, Екатерину I, Елизавету Петровну. Заканчивается эссе восклицанием: «Распространи, Боже, в России науки и искорени несправедливые основания», чтобы в стране господствовала истина, а не своемыслие [Там же: 282].

Проблематика светского чтения продолжилась в июньском номере. Поскольку Сумароков едва ли не первым употребил слово «роман» в терминологическом значении, его письмо «О чтении романов» не было обделено вниманием исследователей [Соловьев 1893–1895; Гуковский 1939; Егунов 1963; Макогоненко 1969; Смирнов 1981; Автухович 1995; Билинкис 1995; Мальцева 2000; Рублева 2005; Штридтер 2015]. При большом количестве апелляций к тексту письма всегда цитируется одна фраза: «Полезны от них мало, а вреда много» [Трудюлюбивая... 1759: 374].

О том, что двухстраничный текст Сумарокова более богатый и глубокий, заявил профессор славистики Страсбургского университета Р. Бодэн. Помимо многократно отмеченной солидаризации с позицией Ломоносова о неприемлемости романа, ученый обозначил новые черты. Письмо «О чтении романов» – следующий шаг русской словесной науки. Если в риториках Ломоносова речь шла о производстве текстов, то в данном случае – об их восприятии читателем и прагматике. Эта проблема возникла в связи с развитием в России периодической печати, для которой участие читателя в литературном процессе было первостепенным. Ученый считает заголовок статьи Сумарокова программным, переводящим проблематику с уровня содержания на уровень практики чтения. Р. Бодэн отмечает интертекстуальный характер письма Сумарокова, отсылающего к предисловию книги признанного авторитета Буало «Диалог героев романа» (1713), в котором французский писатель также сетует на необычайное множество романов. И для Буало, и для Сумарокова – это аргумент риторической традиции,

обосновывающий появление собственного текста [Бодэн 2014: 39–58].

Сумароков выступает против бесполезного потребления романов, чтения как праздного времяпрепровождения. Некие неопределенные субъекты «говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время» [Трудюлюбивая... 1759: 374]. Издатель «Трудюлюбивой Пчелы», масон Сумароков, не видит пользы в таком времяпрепровождении – «это погубленные времена» [Там же: 374]. Снова возникает важная для писателя тема естественности: романы – это притворство, созданное невежами и удаляющее читателей от естества. Просвещение, а не вымысел отдаляет человека от «скотского изображения» [Там же]. Сумароков не может оправдать существование романов наличием людей, способных только к легкому чтению: «...много еще книг и без романов осталось, которые вразумительны и самым неученым людям» [Там же: 375]. С точки зрения писателя, полезной литературы, служащей просвещению, хватит для человека, «хотя бы мы и по тысяче лет на свете жили» [Там же].

В июльском номере раздел «Эпиграммы» заканчивает двестишь о незавидном положении ученого:

Танцовщик, ты богат, Профессор, ты убог;
Конечно, голова в почтенье меньше ног

[Трудюлюбивая... 1759: 375].

При этом сама ценность просвещения Сумароковым никогда не ставится под сомнение. В статье «Димофила. Врачевания жития, или Подобия, собранные из Пифагоровых последователей» (перевод Козицкого) помещен второй силлогизм: «Учение подобно златому венцу, ибо оно и честь приносит, и пользу» [Трудюлюбивая... 1759: 419]. Шестой силлогизм возводит просвещенный ум в категорию ценности: «ум мудрых, как золото, прочие все металлы перевешивает», тридцать четвертый – причисляет философский ум к добродетели: «ум, просвещенный философским знанием, подобен вознице; ибо он воздерживает страсти наши, всегда оныя управляя к доброму»; сорок третий – называет просвещенный ум элементом счастья: «...к счастливому препровождению жизни нашей просвещенный разум вместе со счастьем потребны» [Там же: 420, 423, 424]. На страницах «Трудюлюбивой Пче-

лы» ум всегда рассматривается не как одна из психических способностей человека, а как результат учения, размышления, познания, просвещения.

Философско-педагогический дискурс со сквозным сюжетом «учение – просвещение – наука» в августовском номере приобретает новое звучание, становится авторским пацифистским высказыванием издателя «Трудолюбивой Пчелы». Сумароков переводит с французского «Пришествие, на нашу землю и пребывание на ней, Микромегаса» из сочинений Вольтера. Год издания журнала, 1759, пришелся на масштабный, по мнению некоторых историков, первый мировой военный конфликт XVIII в. – Семилетнюю войну (1756–1763).

Так же, как и Вольтер, Сумароков осуждал кровопролитие. Два посланца Сириуса и Сатурна спасают терпящий бедствие корабль с философами. Один из ученых говорит: «Знаешь ли ты, что в сей час, когда я с тобою говорю, сто тысяч дураков нашего роду, покровенных шляпами, убивают других сто тысяч таковых же зверков, покровенных челмами, или от них умерщвляются, и что по всей почти земли из ушедших от памяти времен, все в этом упражняются» [Трудолюбивая... 1759: 469–470]. Причина, по которой люди во множестве убивают друг друга, – спор «двух некаких человек, одного называют Султаном, а другого Цесарем» из-за куска грязи [Там же: 470]. Брошенные на смерть люди-пылинки («червячки», «мелюзга») никогда не увидят ни друг друга, ни военачальников, ни этого малого куска земли. Ответственность за гибель людей несут сидящие на тронах жестокие люди, которые повелевают миллионам совершать убийства [Там же: 470–471]. Инопланетные пришельцы были крайне разгневаны таким положением дел, которое допустили мыслящие человеки, наделенные душами, но при этом разрушающие мир. Их уважение заслужили только премудрые философы, потому что они никого не убивают, а познают мир внутри и вне себя [Там же: 471].

В сентябрьском номере объектом сатиры Сумарокова «Кто в самой глубине безумства пребывает...» становится безмозглый петиметр, у которого, «где в людях ум живет, набит в нем тамо ветер» [Трудолюбивая... 1759: 563]. Один из семи мудрецов Древней Греции Со-

лон, учредитель спартанского законодательства Ликург, основатель новоевропейской философии Декарт (Картезий), гениальный ученый Ньютон не так сильно умствовали, как петиметр, пошивая очередной кафтан. Невежда постоянно вспоминает о своих знатных предках и с гордостью заявляет: «...по-дедовски живу, не надобно наук» [Там же: 564]. Он не понимает, зачем тратить деньги на образование детей, считает это мотовством, ведь «мой мальчик не учен, а в те ж пойдет ворота» [Там же: 564]. Невежде не нужны ни астрономия, ни география, ни история, ни право, ни иностранные языки: «Что он в незнании живет, о том не тужит, и мнит, что то ему еще и славе служит» [Там же: 564–565]. Невежде для просвещения вполне достаточно знаний из календаря, который он почитывает от скуки. Его мир создан из спеси, домыслов и ретроградства. Сумароков подводит итог:

Удобнее песок на дне морском исчислить,
Как наши дурусти подробно перечесть.
Да и на что, когда дается вракам честь?

[Трудолюбивая... 1759: 567].

Октябрьский номер открывается «Словом похвальным о Государе Императоре Петре Великом», сочиненном Сумароковым ко дню тезоименитства его Императорского Величества 1759 года. Пафос статьи – не умножить славу Петра, а возобновить память о нем и дела императора. Сумароков называет допетровские времена торжеством суеверия: «До времени Петра Великого Россия не была просвещена ни ясным о вещах понятием, ни полезнейшими знаниями, ни глубоким учением» [Трудолюбивая... 1759: 582]. Торжествовало невежество и гасило искры проницательного ума: «Вредительная тьма разума приятна была, а полезный свет тягостен казался» [Там же: 582]. От появления просвещенного императора «возрадовалась истина и ужаснулось суемудрие», «...мрак невежества рассыпался» [Там же: 582]. Реформы Петра Сумароков оценивает как борьбу со старинным упрямством, боярской спесью, праздноностью, корыстью, ересью, варварством и суеверием. Одна из допетровских ересей, по Сумарокову, считать безбожием изучение языков неправославных народов, пренебрежение к латинскому языку, который после разделения римской и греческой церковью стал считаться на Руси прокля-

тым. По заключению писателя, разум Петра Первого «положил благополучию России вечное и непоколебимое основание» [Там же: 586]. Премудрый законодатель, Петр старался не только о введении наук в России, но и о возвращении их, зажег алтари премудрости. Он открыл для молодых дворян лучшие европейские образцы благопристойного поведения, отринув вкорененные «невежеством, упрямством и стариною утвержденные грубости» [Там же: 590].

Заканчивая годовое издание «Трудолюбивой Пчелы», в декабрьском номере Сумароков несколько раз обращался к сквозной теме просвещения и науки. Номер начинается «Речью о пользе и превосходстве свободных наук. Говорена Марком Антонием Муретом, Пресвитером, Законоучителем и Гражданином Римским в Венеции 1555 году» в переводе Н. Мотониса. Статья посвящена сложившемуся положению дел, при котором ученые подвергаются презрению, несносным нападкам, ненавистники свободных наук «премудрость опорочить покушаются» [Трудолюбивая... 1759: 709]. Хулители словесных наук видят, что упражняющиеся в них не приглашаются к ведению важных дел, а плоды их труда заключаются лишь только в сочинении детских басен и нескольких правил к украшению речи (в испещрении слова приготовленными красками) [Там же: 710]. Один из таких хулителей называл Гомера учителем ни к чему не годного многоглаголания [Там же: 715].

Марк Антоний Муре опровергает эти утверждения, говорит о том, что преподаватели свободных наук являются среди всех учителей наилучшими эрудитами. Например, диалектики преподают правила для распознавания лжи и истины, сходства и различий, причин и следствий, приемы доказательств. Словесные науки учат, как создать благополучие в семье и обществе: к чему стремиться, а чего избегать, что добродетель, а что порок, как обуздать страсти, по каким обычаям, законам и установкам устроить дом и богатое многолюдное общество. Красноречие, по Муре, утешает сетующих, ободряет страждущих, поднимает падших, для беззакония является погибелью, для невинных – защитой, для злодеев – страхом, для добродетельных – украшением [Трудолюбивая... 1759: 717]. Выдающиеся риторы,

как, например, Цицерон, имеют власть над людьми большую, чем тираны, потому что тираны могут только угнетать тело, а ораторы владеют душами. Ученый в естественной науке ограничен только ею, ученый в словесных науках должен иметь представление обо всех отраслях человеческого знания, чтобы толковать разных авторов. Ритор должен безупречно владеть латинским языком, потому что ему в вину ставится любая ошибка, даже нечаянная. Муре просит сенаторов и дальше поддерживать вознаграждением юношество, чтобы оно «учением сим нашим к добродетели приуготованное, возмогло удобнее в правление сего благополучнейшего общества подражать впредь вашему благоразумию» [Там же: 722].

В следующем переводе итогового декабрьского номера издания «Разговор о добродетели: Можно ли оную приобрести учением?» Эсхина ведется гипотетический диалог Сократа с другом. Сократ не верит в возможность научения добродетели, считает ее божественным даром: если Бог хочет сделать какое-то государство благополучным, то производит в нем людей добродетельных, если же решает свергнуть его в несчастье, то благодетельных людей из него изымает [Трудолюбивая... 1759: 733]. Позиция самого Сумарокова была более прагматичной: учение играет большую роль в формировании добродетельного человека. В утопии «Сон, Счастливое общество», рассуждая о качестве духовного сословия в обществе (представителей которого он уподобляет стоическим философам), он пишет: «Все они люди великого учения и беспорочной жизни. Первое служит к наставлению добродетели, а второе к показанию образца проповедуемой ими добродетельной жизни» [Там же: 740]. В благоденствующем обществе «всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество и всякое ремесло по размеру своей доброты и по размеру успеха труждающегося там в почтении...» [Там же: 743–744].

Таким образом, философско-педагогический дискурс, проблематика чтения, учения и науки являются сквозной для журнала. Нарративный потенциал, заданный январским номером, реализуется на всем пространстве журнального метатекста. Все номера «Трудолюбивой Пчелы» (кроме ноябрьского) вклю-

чают оригинальные или переводные произведения данного дискурса: январский номер – статью Г. Козицкого «О пользе Мифологии»; февральский – «Речь Павлина А Санкто Иозефо о том, что в учении спешить не должно» (перевод с латинского Г. Полетики); мартовский – «Разговор. Искусство удобообразующее» Эразма Роттердамского (перевод с латинского Н. Мотониса); апрельский – «Опыт Немецкого Словаря» из сатирических сочинений Готлиба Вильгельма Рабенера (перевод с немецкого А. Нартова); майский – «О разумении человеческом по мнению Локка» и «О несправедливых основаниях» Сумарокова; июньский – «О чтении романов» Сумарокова; июльский – эпиграмму и «Димфила. Врачевания жития, или Подобия, собранные из Пифагоровых последователей» (перевод с греческого Г. Козицкого); августовский – «Пришествие, на нашу землю и пребывание на ней, Микромегаса» Вольтера (перевод с французского А. Сумарокова); сентябрьский – сатиру Сумарокова «Кто в самой глубине безумства пребывает...»; октябрьский – «Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом» Сумарокова; декабрьский – «Речь о пользе и превосходстве свободных наук» Мурета (перевод с латинского Н. Мотониса), «Разговор о добродетели: Можно ли оную приобрести учением?» Эхина (перевод с греческого Г. Козицкого), утопию «Сон, Счастливое общество» Сумарокова [Сложеникина, Растягаев 2011: 128–134].

Античные ученые и государственные деятели Димифил, Эсхин; западноевропейские писатели, богословы, преподаватели, философы, энциклопедисты Эразм Роттердамский, Паулин, Рабенер, Вольтер, Муре; российские переводчики и писатели Сумароков, Козицкий, Мотонис засвидетельствовали своим авторитетом важность для общественной пользы чтения, учения и науки. Переводы с греческого и латинского указывали читателям на важность философско-педагогической проблематики для становления античной цивилизации; с французского и немецкого – на ее актуальность для современной европейской гуманитарной мысли; русские оригинальные сочинения – на преемственность новой постпетровской культуры. Разножанровые произведения: авторская статья, диалог, словарь,

эпиграмма, афоризмы, фантастический рассказ и рассказ-утопия, речь, сатира – в разной форме и разными средствами доказывали читателю журнала необходимость просвещения и наук, служили ориентиром для самостоятельного чтения других произведений авторов, вошедших в годовую подборку «Трудолюбивой Пчелы». Оглавление журнала стало для читающей публики середины XVIII в. каталогом целой библиотеки, которой он мог воспользоваться с целью самообразования, приобщения к полезной литературе и добродетельному времяпрепровождению.

Итак, за год издания первого частного ежемесячного журнала «Трудолюбивая Пчела» в российской периодике начинает складываться особый философско-педагогический дискурс. Благодаря усилиям Сумарокова и его сочувственников идея воспитания идеального человека (трудолюбивой пчелы) получает речевое оформление. Сумароков первым в середине XVIII столетия, в конце правления Елизаветы Петровны, актуализировал идеалы времени Петровских реформ апелляцией к авторитетному в первой четверти XVIII в. мнению Локка [Панченко 1989: 14–15]. Ссылаясь на работы английского философа, одного из основоположников европейской педагогической мысли, Сумароков восстает против априоризма Руссо, утверждая, что только «воспитание, наука, хорошие собеседники и прочие полезные наставления приводят нас к беспорочной жизни, а не врожденная истина» [Трудолюбивая... 1759: 263]. Заявленная публичная позиция издателя «Трудолюбивой Пчелы» была мотивирована приверженностью идеям истинного Просвещения – рыцарскому служению Добродетели. Екатерининские масоны, последователи Сумарокова – Н.И. Новиков, И. Г. Шварц и др. актуализировали идеи истинного Просвещения в общественной практике. Педагогическая утопия идеального воспитания человека стала идейной основой нового государственного проекта Екатерины II – создания Смольного института благородных девиц [Приказчиков 2009: 105–106]. Практической реализацией данного педагогического предприятия и многих других проектов воспитания и образования подрастающего поколения занимался выда-

ющийся общественный деятель, тоже масон екатерининского времени И. И. Бецкой¹.

Термин «педагогика» был первый раз введен в отечественную дискурсивную практику в анонимной² статье «О воспитании и наставлении детей для распространения общепользных знаний и всеобщего благополучия», опубликованной в Прибавлении к «Московским ведомостям» за 1783 г. (№ 2 Введение)

Н. И. Новиковым-издателем [Симанков 2010: 12]. Однако впервые в российской журналистике философско-педагогический дискурс начал складываться раньше – в 1759 г. – благодаря усилиям издателя «Трудолюбивой Пчелы» Александра Петровича Сумарокова и всего улья «трудолюбивых пчел» – переводчиков, авторов и читателей первого российского частного ежемесячного журнала.

Источники

Истинная политика знатных и благородных особ / переведена с французского чрез Василия Третьяковского Санктпетербургския имп. Академии наук секретаря. – СПб. : Печ. при Имп. Акад. наук, 1737. – 224 с.

Ломоносов, М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. – М. ; Л. : Изд. АН СССР, 1952. – С. 585–592.

Прокопович, Ф. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца Всероссийского, по соизволению и приговору Всероссийского духовного чина и правительствующего Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721 сочиненный / Ф. Прокопович. – 2-е изд. – М. : Синод. тип., 1861. – 198 с.

Прокопович, Ф. Слово на похвалу памяти Петра Великого / Ф. Прокопович. – СПб. : Санкт-Петербургская тип., 17 июля 1725. – URL: goo-gl.su/NX4Tr. – Текст : электронный.

Татищев, В. Н. Разговор о пользе наук и училищ / В. Н. Татищев. – М. : В Унив. тип., 1887. – 197 с.

[Теплов, Г. Н.] О качествах стихотворца рассуждение / Г. Н. Теплов // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1755. Май. – С. 371–398.

Трудолюбивая Пчела. – СПб. : Тип. Акад. наук, 1759. Генварь-[декабрь].

Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению / Собранные от разных авторов; Напечатано повелением царского величества. – В Санкт-Петербурге, 30 июля 1717.

Литература

Автухович, Т. Е. Риторика и русский роман XVIII в.: взаимодействие в начальный период формирования жанра / Т. Е. Автухович. – Гродно : ГНУ им. Я. Купалы, 1995. – 416 с.

Билинкис, М. Я. Русская проза XVIII века: Документальные жанры. Повесть. Роман / М. Я. Билинкис. – СПб. : СПбГУ, 1995. – 104 с.

Бодэн, Р. Нормативная критика и романное чтение в России середины XVIII века / Р. Бодэн // Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930. – Milano : Ledizioni, 2014. – P. 39–58.

Гуковский, Г. А. Русская литература XVIII века / Г. А. Гуковский. – М. : Учпедгиз, 1939. – 526 с.

Егунов, А. Н. «Исмений и Исмена», греческий роман Сумарокова / А. Н. Егунов // Международные связи русской литературы / под ред. М. П. Алексеева. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 135–161.

Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX в.) / Ю. М. Лотман. – 2-е изд. – СПб. : Искусство-СПб, 1994. – 414 с.

Макогоненко, Г. П. От Фонвизина до Пушкина: из истории русского реализма / Г. П. Макогоненко. – М. : Художественная литература, 1969. – 513 с.

Мальцева, Т. В. Литературная полемика и процесс жанрообразования в комедиографии XVIII века / Т. В. Мальцева. – СПб. : ЛГОУ им. А. С. Пушкина, 2000. – 186 с.

Модзалевский, Л. Б. Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» / Л. Б. Модзалевский // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы / под ред. П. Н. Беркова, И. З. Сермана. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 133–162.

Панченко, А. М. Начало Петровских реформ: идейная подоплека / А. М. Панченко // XVIII век. Сб. 16. – Л. : Наука, 1989. – С. 5–16.

Приказчикова, Е. Е. Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века / Е. Е. Приказчикова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. – 2009. – Вып. 34, № 27. – С. 105–114.

¹ В 1764 г. И. И. Бецкой устроил воспитательное училище при Академии художеств, в 1765 г. был назначен шефом Сухопутного шляхетного корпуса, в 1770-е гг. учредил Воспитательное коммерческое училище для купеческих детей, был членом 4 степени Ложи Благодетельности к Пеликану [Серков 2019, II: 168–169; III: 97].

² Несмотря на то, что статья в настоящее время не имеет атрибуции, для нашей темы важно, что для всех масонских изданий соблюдался принцип деперсонализации авторской точки зрения и включения ее в общую мифологию герметической мудрости.

Растягаев, А. В. Ансамблевая природа журнала А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759): на примере апрельской книжки / А. В. Растягаев, Ю. В. Сложеникина // Современная филология: методы, гипотезы, проблемы, универсалии / под ред. С. Б. Козинца. – Самара : СФ МГПУ, 2019. – С. 164–194.

Рублева, Л. И. Русская проза последней четверти XVII века: история и поэтика / Л. И. Рублева. – Южно-Сахалинск : Сахал. гос. ун-т, 2005. – 159 с.

Серков, А. И. Российские масоны. 1721–2019 : биографический словарь. Век XVIII : в 3 т. / А. И. Серков. – М. : Ганга, 2019. – Т. III. – 320 с.

Симанков, В. И. Из разысканий о журнале «Прибавление к Московским Вedomostям» (1783–1784) или об авторстве сочинений, приписывавшихся Н. И. Новикову, И. Г. Шварцу и Ф. В. Каржавину / В. И. Симанков. – Харьков, 2010. – 134 с.

Сложеникина, Ю. В. Коммуникативная стратегия журнального метатекста «Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова (на примере декабрьского номера) / Ю. В. Сложеникина, А. В. Растягаев // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 2. – С. 126–141.

Смирнов, А. А. Литературная теория русского классицизма / А. А. Смирнов. – М. : Высшая школа, 1981. – 207 с.

Соловьев, С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1–6. История России в царствование императрицы Екатерины II / С. М. Соловьев. – 2-е изд. – СПб. : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1893–1895. – Кн. 6. Т. 26–29. – 1178 Стб.

Тураев, С. В. Немецкая литература [XVIII в.] / С. В. Тураев // История всемирной литературы : в 8 т. – М. : Наука, 1988. – Т. 5. – С. 193–244.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – 3-е изд., стер. – СПб. : Азбука ; М. : Терра, 1996. – Т. 4: (Т-Яшур). – URL: goo-gl.su/yrHCV7mc/. – Текст : электронный.

Штридтер, Ю. Плутовской роман в России. К истории русского романа до Гоголя / Ю. Штридтер. – СПб. : Алетей, 2015. – 416 с.

References

Avtukhovich, T. E. (1995). *Ritorika i russkii roman XVIII v.: vzaimodeistvie v nachal'nyi period formirovaniya zhanra* [Rhetoric and the Russian novel of the 18th century: Interaction in the initial period of formation of the genre]. Grodno, GNU im. Ya. Kupaly. 416 p.

Bilinkis, M. Ya. (1995). *Russkaya proza XVIII veka: Dokumental'nye zhanry. Povest'. Roman* [Russian prose of the 18th century: Documentary genres. The Story. The Novel]. Saint Petersburg, SPbGU. 104 p.

Boden, R. (2014). Nopmativnaya kritika i romannoё chtenie v Rossii serediny XVIII veka [Normative critique and novel reading in Russia of the middle of the 18th century]. In *Reading in Russia. Practices of Reading and Literary Communication, 1760–1930*. Milano, Ledizioni, pp. 39–58.

Egunov, A. N. (1963). «Ismenii i Ismena», grecheskii roman Sumarokova ["Ismenius and Ismenius", Greek novel by Sumarokov]. In Alekseev, M. P. (Ed.). *Mezhdunarodnye svyazi russkoi literatury*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 135–161.

Fasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka : x 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language, in 4 vols.]. 3rd edition. Saint Petersburg, Azbuka, Moscow, Terra. Vol. 4: (T-Yashchur). URL: <https://goo-gl.su/yrHCV7mc/>.

Gukovskii, G. A. (1939). *Russkaya literatura XVIII veka* [Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Uchpedgiz. 526 p.

Istinnaya politika znatnyh i blagorodnyh osob / perevedena s francuzskogo chrez Vasil'ya Trediakovskago Sanktpeterburgskiya imp. Akademii nauk sekretarya [True policy of noble and honorable persons / translated from French by Vasily Trediakovskiy]. (1737). Saint Petersburg, Imp. Acad. nauk. 224 p.

Lomonosov, M. V. (1952). *Predislovie o pol'ze knig cerkovnyh v russkom yazyke* [Foreword on the usefulness of the clerical books in Russian]. In Lomonosov, M. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 7. Trudy po filologii. 1739–1758. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 585–592.

Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoi kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nach. XIX v.)* [Conversations about Russian culture: Genesis and traditions of Russian nobility (18th–19th c.)]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPb. 414 p.

Makogonenko, G. P. (1969). *Ot Fonvizina do Pushkina: iz istorii russkogo realizma* [From Fonvizin to Pushkin: From the History of Russian Realism]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 513 p.

Mal'tseva, T. V. (2000). *Literaturnaya polemika i process zhanroobrazovaniya v komediografii XVIII veka* [Literary polemics and the process of genre formation in the 18th century comedy]. Saint Petersburg, LGOU im. A. S. Pushkina. 186 p.

Modzalevskii, L. B. (1962). Lomonosov i «O kachestvah stihotvorca rassuzhdenie» [Lomonosov and "On the qualities of a poet reasoning"]. In Berkov, P. N., Serman, I. Z. (Eds.). *Literaturnoe tvorchestvo M.V. Lomonosova: Issledovaniya i materialy*, Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 133–162.

Panchenko, A. M. (1989). Nachalo Petrovskikh reform: ideynaya podopleka [Beginning of reformations of Peter the Great: Ideological background]. In *XVIII vek. Sb. 16*. Leningrad, Nauka, pp. 5–16.

Prikazchikova, E. E. (2009). Antropologicheskaya utopiya Smol'nogo instituta i ee otrazhenie v memuarно-avtobiograficheskoy literature vtoroi poloviny XVIII veka [Anthropological Utopia of Smolny Institute and its reflection in memoir-autobiographical literature of the second half of the 18th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedenie*. Issue 34. No. 27, pp. 105–114.

Сложеникина Ю. В., Растягаев А. В. Философско-педагогический дискурс на страницах журнала...

Prokopovich, F. (1725). *Slovo na pohvalu pamyati Petra Velikogo* [Words to praise the memory of Peter the Great.]. Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskaya tip. URL: goo-gl.su/NX4Tr.

Prokopovich, F. (1861). *Duhovnyi reglament, tshchaniem i povelieniem vsepresvetlejshego, derzhavnejshego gosudarya Petra Pervogo, imperatora i samoderzhca Vserossiiskogo, po soizvoleniyu i prigovoru Vserossiiskogo duhovnogo china i pravitel'stvuyushchego Senata, v carstvuyushchem Sanktpeterburge, v leto ot Rozhdestva Hristova 1721 sochinennyi* [Spiritual Regulations, by the care and command of the All-Russian Emperor and Autocrat of All Russia, by the will and sentence of the All-Russian spiritual rank and the Governing Senate, in the reigning St. Petersburg, in the summer of the Nativity of Christ 1721 composed]. Moscow, Sinod. tip. 198 p.

Rastyagaev, A. V., Slozhenikina Yu. V. (2019). Ansamblevaya priroda zhurnala A.P. Sumarokova «Trudolyubivaya Pchela» (1759): na primere aprel'skoi knizhki [Ensemble nature of A.P. Sumarokov's journal "The Industrious Bee" (1759): by the example of the April book (in Russian)]. In Kozinets, S. B. (Ed.). *Sovremennaya filologiya: metody, gipotezy, problemy, universalii*. Samara, SF MGPU, pp. 164–194.

Rubleva, L. I. (2005). *Russkaya proza poslednei chetverti XVII veka: istoriya i poetika* [Russian prose of the last quarter of the 17th century: history and poetics]. Yuzhno-Sahalinsk, Sakhalinskii gosudarstvennyi universitet. 159 p.

Serkov, A. I. (2019). *Rossiiskie masony. 1721–2019 : biograficheski slovar'. Vek XVIII : v 3 t.* [Russian Masons. 1721–2019: Biographical dictionary. The 18th century, in 3 vols]. Moscow, Ganga. Vol. 3. 320 p.

Shtridter, Yu. (2015). *Plutovskoi roman v Rossii. K istorii russkogo romana do Gogolya* [Picaresque novel in Russia. To the history of the Russian novel before Gogol] Saint Petersburg, Aleteiya. 416 p.

Simankov, V. I. (2010). *Iz razyskaniy o zhurnale «Pribavlenie k Moskovskim Vedomostyam» (1783–1784) ili ob avtorstve sochinenii, pripisyvayushisya N. I. Novikovu, I. G. Shvarcu i F. V. Karzhavinu* [From investigations of the magazine "Supplement to the Moscow Vedomosti" (1783–1784) or about the authorship of the works attributed to N.I. Novikov, I.G. Schwartz and F.V. Karzhavin]. Kharkov. 134 p.

Slozhenikina, Yu. V., Rastyagaev, A. V. (2011). Komunikativnaya strategiya zhurnal'nogo metateksta «Trudolyubivoj Pchely» A.P. Sumarokova (na primere dekabr'skogo nomera) [Communicative strategy of the journal metatext "The Industrious Bee" by A.P. Sumarokov (on the December issue)]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. No. 2, pp. 126–141.

Smirnov, A. A. (1981). *Literaturnaya teoriya russkogo klassitsizma* [Literary Theory of Russian Classicism]. Moscow, Vysshaya shkola. 207 p.

Solov'ev, S. M. (1893-1895). *Istoriya Rossii s drevneishih vremen. Kn. 1–6. Istoriya Rossii v carstvovanie imperatricy Ekateriny II* [History of Russia since Ancient Times. Book No. 1–6. History of Russia during the reign of Empress Catherine II]. Saint Petersburg, tip. t-va «Obshchestv. Pol'za». Book 6. Vol. 26–29.

Tatishchev, V. N. (1887.) *Razgovor o pol'ze nauk i uchilishch* [Talk about the usefulness of sciences and schools]. Moscow, V Univ. tip. 197 p.

Teplov, G. N. (1755). O kachestvah stihotvorca rassuzhdenie [Reasoning about the qualities of a poet]. In *Ezhemesyachnye sochineniya k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie*. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, pp. 371–398.

Trudolyubivaya Pchela [The Industrious Bee]. (1759). Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk.

Turaev, S. V. (1988). Nemeckaya literatura (XVIII v.) [German literature (18th century)]. In *Istoriya vseмирnoy literatury, in 8 vols*. Moscow, Nauka. Vol. 5, pp. 193–244.

Yunosti chestnoe zercalo ili Pokazanie k zhiteiskomu obhozhdeniyu. Sobrannye ot raznyh avtorov; Napechatano povelieniem carskogo velichestva [Youth's Honest Mirror or Tips for worldly behavior. Collected works by different authors; Printed by the order of the Royal Majesty]. (1717). Saint Petersburg.

Данные об авторах

Сложеникина Юлия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, и.о. проректора по научной работе и международным связям, профессор кафедры филологии и философии, Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия).

Адрес: 443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.
E-mail: goldword@mail.ru.

Растягаев Андрей Викторович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии и философии, Самарский государственный институт культуры (Самара, Россия).

Адрес: 443010, Россия, г. Самара, ул. Фрунзе, 167.
E-mail: avr67@yandex.ru.

Author's information

Slozhenikina Yulia Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor, Acting Vice-Rector for Research and International Relations, Professor of Department of Philology and Philosophy, Samara State Institute of Culture (Samara, Russia).

Rastyagaev Andrey Victorovich - Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Philology and Philosophy, Samara State Institute of Culture (Samara, Russia).